

УДК 930.1(470)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-128-137

Александр Станиславович Маджаров,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: mas@home.isu.ru

Идеи централизма и федерализма в историографии истории России второй половины XIX века (прикладная методология исторического исследования в трудах С. М. Соловьева и А. П. Щапова)

Историки государственной школы (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и др.) и демократического направления (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. П. Щапов и др.) в отечественной историографии второй половины XIX века исследовали становление государственных отношений, жизнь народа. Разные взгляды учёных на предмет истории России, метод её изучения и, как следствие, различные результаты их изысканий постулируют необходимость сравнительной историографической оценки, сопоставления «централистской» схемы С. М. Соловьева и федералистской (земско-областной) доктрины А. П. Щапова как системы элементов прикладной методологии, раскрывающей специфику научных направлений в историографии 50–70-х гг. XIX в. Исследование выявило некоторые особенности становления структуры прикладной методологии государственной школы (Соловьев) и демократического направления (Щапов), показало, что системобразующую роль в ней играла идеология, система ценностей. Она предопределяла предмет науки (государство; народ); содержание исторического материала, который структурировался идеей историзма (история государства; история народа), представления об основных противоречиях процесса (родовые – государственные отношения; саморазвитие – централизация). В свою очередь, предмет исследования обуславливал подбор совокупности основных понятий для раскрытия темы (колонизация, государственная область, единое государство, единовластие); (община, вече, земские соборы, колонизация, областность); трактовку понятий (колонизация как движение государства); (колонизация как движение народа), предопределял движение от гипотезы (становление государственных отношений); (саморазвитие, самоуправление народа) – к факту (победа единовластия); (выявление региональной специфики территории).

Ключевые слова: С. М. Соловьев, государство, единовластие, централизм, А. П. Щапов, колонизация, община, федерализм

Alexander S. Madzharov,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: mas@home.isu.ru

Ideas of Centralism and Federalism in Historiography of Russian History of the Second Half of the XIX Century (Applied Methodology of Historical Research in the Works by S. M. Solovyov and A. P. Shchapov)

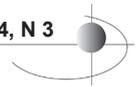
The historians of comprehensive school (B. N. Chicherin, K. D. Kavelin, S. M. Solovyov, etc.) and democratic direction (A. I. Herzen, N. G. Chernyshevsky, A. P. Shchapov, etc.) in domestic historiography of the second half of the XIX century investigated formation of state attitudes and the life of people. Different views of scientists on history of Russia, the method of its studying and, consequently, different results of their research affirm the need for a comparative historiographical evaluation, comparing S. M. Solovyov's "centralist" diagram and A. P. Shchapov's federalist (rural-regional) doctrine as a system of elements of applied methodology revealing the specifics of scientific directions in historiography of the 1850–1870s. The study revealed some features of formation of the structure of applied methodology of comprehensive school (Solovyov) and democratic direction (Shchapov) and showed that ideology and the system of values played a system-forming role. They predetermined the object of science (state; people); the content of historical material which was structured by the idea of the historicism (state history; history of the people, ideas about the main contradictions of the process (generic – state relations; self-development – centralization). In turn, the object of study caused a selection of a set of main concepts for topic deployment (colonization, state area, uniform state, autocracy); (community, veche, state cathedrals, colonization, regionalness); concepts treatment (colonization as state movement); (colonization as a movement of people) predetermined the development of the hypothesis (formation of state relations), (self-development, self-government of the people) – to the fact (victory of autocracy); (identification of regional specifics of the territory).

Keywords: S. M. Solovyov, state, autocracy, centralism, A. P. Shchapov, colonization, community, federalism

© Маджаров А. С., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. Идеи централизма и федерализма занимали важное место в научных изысканиях отечественных обществоведов второй половины XIX в. Историки государственной школы Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев исследовали процесс становления государственных отношений. Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) посвятил свой многотомный труд решению масштабной задачи – воссозданию истории России как пути возникновения и развития государства, укрепления власти.

Творчество автора «Истории России с древнейших времён» и других представителей этого направления изучалось в досоветской, советской и постсоветской историографии. О государственной школе писали славянофилы, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский, Н. Л. Рубинштейн, А. М. Сахаров, И. Д. Ковальченко и др. [4; 5; 11].

Актуальна была и проблема федерализма. Она привлекала декабристов, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, историка А. П. Щапова (1831–1876), оказавшего влияние на судьбы отечественной исторической литературы в 50–70-е годы XIX в. [1; 3; 9; 10].

Труды Щапова исследовались в дореволюционной, советской и постсоветской историографии, нашли отражение в научной литературе [6–8]. Специальные разделы были посвящены историку в учебниках по русской историографии Н. Л. Рубинштейна («Великие русские просветители Чернышевский и Добролюбов. Щапов и начало народничества»), В. И. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева – «А. П. Щапов – историк-демократ», А. Л. Шапиро «Исторические особенности русского народа по А. П. Щапову» и др.

Прикладная методология как проблема историографического исследования. В отечественной историографии второй половины XIX в. становление демократического, федералистского направления происходило во взаимодействии с началом государственным, властным, централистским.

С. М. Соловьев в журнале «Атеней» (1859) дал известную положительную рецензию на «Русский раскол старообрядства» А. П. Щапова (1859). В свою очередь, историк-демократ изучал исследования Соловьева, признавал их высокое научное значение. Положительная оценка труда профессора Московского университета сочеталась с критикой его взглядов и развитием собственного видения истории России.

Доктрина Щапова явилась демократическим «федералистским» ответом на «центра-

листскую» «Историю» историографа государственной школы. Эту взаимосвязь подчёркивал и сам Щапов. «Соловьев, – по его словам, – ...систематизирует факты, обобщая их в идее государственности, строго преследуя эту идею в последовательном порядке княжений и царствований. Оттого сия история, несмотря на всё огромное научное значение её – больше биография царей и князей, а не всецелая биография или история народа» [16, с. 241].

Расхождение во взглядах учёных на предмет истории России (государство или народ) требовало историографической оценки, выходящей за рамки описания текста, предполагало исследование прикладной методологии трудов исследователей для заключения об их сравнительном значении в познании прошлого.

Изучение этого элемента внутренней формы истории исторической науки актуально, ибо переводит анализ эволюции концепции с эмпирического уровня (обзор содержания) на теоретический: выявление в трудах автора, в рамках научного направления системы ценностей, ориентирующих на конкретную историческую проблематику, задачи исследования; исторических и философских методологических идей, понятий, адаптированных исследователем в контекст своего мировоззрения; позволяет представить данную структуру как вектор, указывающий историю путь получения нового знания.

Однако проблема прикладной методологии, как самостоятельная задача исследования именно в рамках предмета истории исторической науки, в историографии прямо не поставлена. Не сформулирована она и применительно к творчеству историков государственной школы и демократического направления. В частности, не получил освещения метод Соловьева и Щапова, направленный на раскрытие централистских и федеративных начал истории России.

Сопоставим методологические аспекты «централистской» схемы С. М. Соловьева и федералистской (земско-областной) доктрины А. П. Щапова как системы элементов прикладной методологии, раскрывающей специфику научных направлений и пути познания истории России в 50–70 е гг. XIX в.

«Централистская» концепция С. М. Соловьева. Особенности метода исторического исследования. Историю отечества Соловьев считал органическим, взаимосвязанным, обусловленным объективными факторами, целенаправленным движе-

нием. В выборе основного направления исследования истории России учёный опирался на идеологию государства как основополагающей, базовой ценности. Главными явлениями минувших лет, которые следовало изучать, по его мнению, являлись становление и развитие государственности как «великого процесса собирания земли, сосредоточения, объединения власти» [14, с. 35].

Рассуждая о значении централизации, подчёркивая единство структуры пространства «русской государственной области», он полагал, что областные особенности не имели определяющего значения в истории России и не требовали специального исследования.

Предмет «История России» Соловьев видел в истории государства, которую отождествлял с историей отечества, историей народа. Метод его исторического исследования, опирающийся на идею государства как базовой ценности, раскрывался в описании становления единовластия как органического, взаимосвязанного движения.

Некоторые черты методологии исторического исследования учёный сформулировал в предисловии к первому тому своего многотомного труда.

Историк, в частности, опирался на Гегеля, который трактовал «государственное общество» как связь, как «всеобщее», противоположное индивидуальному, как совокупность «различных властей», управляемых правительством [2, с. 203].

Чтение философской литературы и размышления над «механизмом истории» позволили Соловьеву сформулировать методологические постулаты, воплощение которых поднимало его сочинения на иной, более высокий научный уровень по сравнению с нравственно-психологической «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. «Не делить, не дробить русскую историю, – подчёркивал он, – ...следить... за связью явлений..., не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин» [12, с. 51].

Принцип историзма, изложенный учёным, воплощался в его «Истории России» в рамках государственной школы. Он позволял увидеть связи и отношения государственного строительства. К такому ракурсу рассмотрения минувшего его направляла идеологическая, ценностная ориентация, предопределявшая взгляд на содержание предмета отечественной истории.

В «Истории» Соловьев раскрывал идею перехода родовых отношений в государ-

ственные. «Для нас предметом первой важности были... переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси», – определял исследователь генеральную идею своего повествования и объект приложения историзма. «Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные», – конкретизировал он далее процесс становления государственности.

Заключая в предисловии обзор центральной идеи повествования, Соловьев подчёркивал: «Главное, основное явление – переход родовых отношений между князьями в государственные, ...условливает силу, которою новое государство пользуется... соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы даёт Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами» [12, с. 53–54].

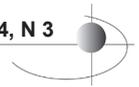
Принцип историзма, применённый профессором в исследовании отечественной истории, постулировал динамику процесса, проявлял связи, структурировал отношения «государственного строительства». Этноистический взгляд автора на предмет и метод отечественной истории позволил ему раскрыть процесс становления государства.

Однако опора на идею Гегеля, согласно которой государство воплощало интересы, «дух народа», вводила его от учёта демократических начал исторического процесса. Односторонность «Истории» Соловьева, отсутствие в ней «биографии или истории народа» давала основания Щапову для критической оценки его труда.

С. М. Соловьев: государственная школа о «новаторстве» и «консерватизме» народа. Методология государственной школы формировалась под влиянием мировоззренческой, идеологической позиции, ценностной ориентации историка. Об особенностях идеологии, которую исповедовал Соловьев, достоверно свидетельствовала его оценка старообрядчества – движения, в котором преобладала крестьянская, народная струя.

Учёный, увлечённый теорией и практикой петровских преобразований, стремился доказать, что в России второй половины XVII в. складывались предпосылки реформ, необходимость которых осознавалась населением.

О насущности реформ в государстве Соловьев рассуждал от имени народа. Согласно его логике казалось очевидным, что массы

должны были поддерживать «государственные» мероприятия правительства.

В первой главе тринадцатого тома «Россия перед эпохой преобразования» (1863) он писал о том, что «экономическая и нравственная несостоятельность общества» были осознаны, народ «рвался из пелёнок», в которых его долго «держала судьба». «Вопрос необходимости поворота на новый путь» был, по мнению Соловьева, решён [14, с. 130].

Однако возникшее в России во второй половине XVII в. и усиливавшееся с течением времени старообрядчество не вписывалось в доктрину профессора Московского университета. Раскольники не приняли реформ Никона, защищали «старину», выступали против намеченных в верхах перемен в церкви и государстве, а Петра I считали антихристом. Противоречия требовали объяснения.

Обратившись к истории старообрядчества, Соловьев под давлением фактов отступал от утверждения о наличии у «народа» преобразовательных стремлений в проправительственном духе. На примере старообрядчества он увидел, что в реальной жизни понимание необходимости реформ у народных масс отсутствовало. По заключению учёного, крестьянство (а оно составляло большинство населения) было настроено консервативно и являлось потенциальным носителем старообрядческой идеологии. Выработке консервативных умонастроений «народонаселения», согласно его наблюдениям (1861), способствовали объективные условия жизни: пребывание среди «немногочисленного ряда неизменных явлений», «застой», географическая обособленность страны от других народов [15, с. 193].

В итоге историк вынужден был признать, что крестьянство, в силу своей косности, не могло поддерживать реформы Никона и Петра I и не поддерживало их. Что же касается потребности в преобразованиях, то её, по словам историка, «чувствовали» лишь «люди, обладавшие более широким взглядом», «правительство» [13, с. 192].

В ходе исследования потенциальных созидательных возможностей народа Соловьев запечатлел в тексте своей «Истории» два взаимоисключающих тезиса. Он утверждал, что народ «рвался из пелёнок», чтобы преобразовать действительность в духе правительственных указов (1863), и, одновременно, доказывал, что народ, в силу объективных причин, пребывал «в застое», не «чувствовал» потребности в переменах (1861).

Противоречие, с которым Соловьев столкнулся при рассмотрении «движущих сил» истории, требовало ревизии, пересмотра доктрины и написанных ранее текстов. Но учёный оставил проблему без комментариев, не стал углубляться в замеченное им противоречие, остался на позиции идеологии и теории государственной школы. Интересы государства, задачи реформы Петра I заслоняли от него интересы народа.

Методология «централизма», построенная на идеологии государства как базовой ценности, предопределила задачу исторического исследования – реконструкцию процесса государственного строительства, опирающуюся на принцип историзма. Эта методология позволила Соловьеву по-своему решить важную научную проблему – воссоздать «органический» процесс становления государства.

Одновременно этатизм исследовательской позиции закрывал от него «другую историю», интересы, настроения «народа», уводил его от нужд населения, «земли», от учёта региональных особенностей территории.

Демократические и федеративные основы исторической концепции А. П. Щапова. Особенности метода. Автор демократической концепции истории России А. П. Щапов был последовательным сторонником единого государства, построенного на демократической, федеративной основе. В своих трудах периода земско-областной теории (1860–1863) и в последующее время (1864–1876) историк подчёркивал наличие объективных оснований федерализма в истории отечества. Он создавал свою доктрину, выявляющую значение региональных особенностей в истории России, в споре с историком государственной школы С. М. Соловьевым.

В земско-областной теории отечественной истории Щапов сформировал новую федералистскую методологию исторического исследования, которую реализовал в своих сочинениях.

Он, как и Соловьев, читал актуального в то время Гегеля, понимал значение историзма в гуманитарном познании, но воплощал идеи немецкого философа на ином материале, нежели автор «Истории России с древнейших времён», в рамках иной системы ценностей и методологии федерализма.

Земско-областная теория строилась на демократической идеологии и соответствующей системе понятий, историзме, понимаемом как реализация свободного (саморазвитие, самоуправление) движения народа, об-

условленного объективными региональными факторами, противостоящего централизаторским усилиям власти.

В период становления взглядов Щапов испытал влияние принципов государственной школы, заложенных в трудах Соловьева. В дальнейшем, в годы зрелого творчества, историк противопоставил концепции профессора Московского университета свою демократическую, федералистскую точку зрения на историю России.

Если Сергей Михайлович воплощал идею конкретно-исторической обусловленности событий и процессов, связей и отношений в рамках истории государственности, власти, то Щапов, в силу особенностей своего мировоззрения, присущих ему представлений о базовых ценностях истории, обратился к иному ракурсу истории России – к демократическим основам процесса – земле и людям.

Цель современного исследования он видел в необходимости раскрыть историю России как созидательную деятельность народа, обусловленную региональными особенностями конкретной территории.

«В науке русской истории, – подчёркивал историк-демократ, – доселе не было... объяснено, отчего образовались... областные особенности, какое они имели значение... в применении к законодательству, к администрации, к народному материальному и нравственному развитию... В наше время... необходимо уяснить историю, дух, характер и этнографические особенности областных масс народных» [15, с. 653].

Демократическое направление изысканий историка уводило науку о прошлом от присущего государственной школе преимущественного рассмотрения исторических связей как властных отношений.

Изучение демократических, федеративных основ русской истории предполагало опору на соответствующий понятийный аппарат, выявление «народных», в противовес «государственным, «начал» процесса, используя которые, можно было бы иначе, чем историки официального направления, государственной школы, в демократическом ключе интерпретировать особенности отечественной истории.

«Народные» начала Щапов нашёл в таких формах структуры российского общества, как община, вече, земские соборы, и в формах, характеризующих движение социума, понимаемых как движение народа вширь и вглубь, – в колонизации и областности, которые наполнил демократическим содержанием.

Народ, согласно его доктрине, в процессе колонизации, опираясь на общину, вече, земские соборы, осваивал новые области, каждая из которых имела своё неповторимое лицо, отличалась особенностями взаимодействия с соседями, «центром».

Упомянутые формы он квалифицировал как «народные» «механизмы» истории, реализующие демократические ценности (народ, свобода), опирающиеся на объективное основание (территория), и использовал их во взаимной связи как развивающуюся систему.

Идеология, ценностные ориентиры земско-областной теории Щапова и концепции государственной школы Соловьева предопределяли особенности прикладной методологии каждого из историков и, как следствие, видение ими истории отечества.

С помощью демократических ценностей (народ, свобода), квалифицируемых как «народные» понятия, связанных в динамическую систему, и учёта объективных оснований процесса (территория) Щапов реализовывал методологию, отличающую демократическое направление исторического исследования от государственной школы, теории официальной народности, славянофилов.

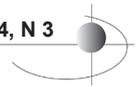
«Областность» как интегральная характеристика специфики отечественных подпространств и её методологическое значение. Историю России (и предмет отечественной истории) Щапов, в отличие от Соловьева, рассматривал как процесс народной колонизации (освоения) страны, формирующий «федерацию областей».

Он опирался на земско-областную теорию, федералистскую методологию исторического исследования, которую реализовал в трудах «Великорусские области и смутное время (1606–1613)» (1861), «Земство и раскол I» (1861), «Земские соборы в XVII столетии. Собор 1642 года» (1862), «Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов» (1862), «Земство» (1862), «Сельская община» (1862), «Сельский мир и мирской сход» (1862) и др.

В работе «Великорусские области и смутное время (1606–1613)» (1861) историк ввёл в научный оборот интегральное понятие «областность», которое, наряду с народностью, являлось основной опорной точкой его теории.

Это понятие содержало полемический потенциал – в земско-областной теории была предпринята попытка указать путь устранения недостатков доктрины Соловьева.

Щапов подчёркивал тот факт, что важнейшему основанию русской истории – «про-

винциализму, *областности*», в отечественной историографии не уделялось должного внимания. По его словам, в научной литературе господствовала идея централизации, на первый план выводилась деятельность правительства, биографии царей [15, с. 648].

Однако, по его справедливому замечанию, русская история не могла быть раскрыта без учёта региональных особенностей, которые определяли её форму и содержание.

Теоретическое заключение Щапова о специфике истории отечества, в противовес выводам Соловьева, гласило, что история России являлась «в самой основе своей» «историей областей... ассоциаций провинциальных масс народа – до централизации и после централизации [Там же, с. 648].

В споре с Соловьевым историк подчёркивал наличие объективных оснований областности, объективных оснований федералистской методологии своего исследования. Он отмечал, что централизация – привнесённый, внешний инструмент, применявшийся для «обобщения областности», суммарной характеристики специфики локальных подпространств. Областность историк рассматривал как «коренное, непреходящее... внутренне-видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения и местно-общинного саморазвития» [Там же, с. 650].

Суть этого начала он видел в движении народа «вглубь», в конкретно-исторической обусловленности жизни человека, социума региональными конкретно-историческими факторами.

Динамику движению, согласно внутренней логике доктрины Щапова, придавала свобода («самораспределение», «саморазвитие»), которая была неотъемлемой составляющей (ценностью) областности, а также колонизации, общины, земских соборов, то есть «народных» начал русской истории.

Если у Соловьева в его концепции связь, отношение (историзм) раскрывались как укрепление государственного начала, то у Щапова главной динамической силой процесса, его связью, отношением (историзм) была свобода (саморазвитие, самоуправление) народа, обусловленная объективными региональными факторами.

Теоретические и конкретно-исторические особенности истории России в контексте методологии областности.

Научное творчество в рамках федералистской методологии привело Щапова к выявлению и освещению иных, по сравнению

с С. М. Соловьевым, граней исторического процесса и к новым теоретическим заключениям.

Идея областности придавала методу историка направление исследования, вектор. Она как гипотеза в ходе эмпирического исследования наполнялась конкретным содержанием, в частности, служила основанием периодизации истории России, выделения периодов, отличающихся особенностями в реализации областного начала.

Русскую историю Щапов разделил на два этапа – «особно-областной» и «соединено-областной», с разграничительной чертой между ними, которой считал «Смутное время».

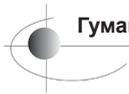
Если Соловьев рассматривал укрепление государственности, власти как основное направление движения русской истории, то Щапов, прежде всего, ценил самобытное, свободное движение народа, основывающееся на федеративных началах, и думал об его укреплении.

Исходя из новой методологии земско-областной теории, автор определил древнюю форму истории отечества как «особно-областную». Его вывод строился на учёте объективных и субъективных оснований региональной специфики территорий, причём учитывал и те факторы, на которые профессор Московского университета не обратил внимания.

По словам Щапова, в процессе колонизации, которая осуществлялась под влиянием ландшафта, рек, этнографических особенностей местного населения образовались земли – Двинская, Важская, Пермская, Вятская и др.

Историк, характеризуя демократические и региональные основы этого процесса, писал о «самоустройстве каждой областной общины на особой речной системе или на отдельном волоке», «местном... разноплеменном историко-географическом самообразовании каждой областной массы населения; местном вечевом самоуправлении, *земско-советии...*, федеративном взаимодействии и местно-удельной междуособной борьбе областных общин» [15, с. 649].

Если Соловьев в «динамике» своей «Истории» выявлял «связи» явлений, открывающие укрепление государственного начала, то Щапов в ходе этого же процесса заострял внимание на специфике, особенностях областей. Регионы, как показывали исследования историка-демократа, основанные на методологии «областности», отличались в «духовно-нравственном» и «мате-

риально-бытовом» отношениях. А различия расширяли палитру и усложняли характер взаимоотношений между землями, центром и регионом.

Провинциальная специфика проявилась в летописании – великорусские территории имели свои летописи (псковская, новгородская, суздальская, двинская, поморская и др.).

В каждой области ценили своего святого: в Киеве – чудотворцев Антония и Феодосия Печерских; в Москве – Петра, Алексея, Иону, Максима и т. д. Областные особенности предопределяли характер ремёсел, которые культивировало население. Щапов, опираясь на исторические акты, показал, что во Владимирской области промышляли каменщики и древоделы, в Ярославском уезде – мастера «скатертного и убрusного (головной убор) дела», в Карельском уезде – плотники; новгородцы были ушкуйниками (торговцы, разбойники), а поморцы – юровщиками, весновальниками (морской промысел).

Взгляд на историю России сквозь призму народного начала и областных особенностей подтолкнул Щапова к изучению «общинно-областных челобитных» – явлений «местно-областного» характера [15, с. 648].

Использование этой разновидности источников в историческом исследовании демократов и государственников имело особенности. Если историки государственной школы интересовались в челобитных реакцией власти – «что приказали», то демократы обращали внимание на то, «о чём били челом».

Характеризуя «областные челобитные» в работе «Земство и раскол I» (1861), Щапов подчёркивал разнообразие тематики этих документов, вызванное «местными особенностями и интересами», местными «топографическими условиями». Исследователь выявил их нацеленность на защиту «излюбленного самоуправления» и протестную направленность против приказных людей [18, с. 452–453].

Новый подход с позиций народности и областности сказался и на исследовании старообрядчества. Рассмотрение религиозного раскола Русской православной церкви в контексте упомянутых категорий позволило историку, в отличие от клерикально-охранительной историографии и государственной школы (Соловьев), охарактеризовать это проявление жизни масс как самобытное народное движение.

В земско-областной теории Щапов раскрыл раскол как идеологию, имеющую глубокие основания, «жизнь народа» под лозунгом «старини», реализующуюся в колониацион-

ном, опирающемся на особенности осваиваемой территории областном движении «вперёд».

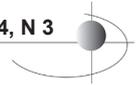
Изучая колониационное самоустройство сторонников старой веры, историк пришёл к выводу, что «старообрядчество приняло “областное направление и устройство”, каждое согласие стремилось основать свою “федерацию, свой союз общин”. Появились поморские, стародубские, донские, керженские, казанские, сибирские, саратовские общины, ...московская община» [Там же, с. 461].

Новая методология исследования позволила Щапову выявить специфику юридического оформления народного быта. В работе «Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов» историк показал, как в «жизни народной» «в эпоху земской самобытности областей» «вырабатывались» «местные юридические обычаи». Он подчеркнул, что «принцип местной областной уставности, местного юридического самоустройства... был обычен в областных общинах, особенно в северных, древненовгородских... Важская земля, Двинская земля, Устьянские волости... во второй половине XVI века требовали себе местные уставные грамоты» [19, с. 718].

В статье «Сельский мир и мирской сход» (1862) историк охарактеризовал процесс усиления централизации, наступления на демократические, «местные» основы быта, который оценивал как посягательство на свободу, разрыв «областных» связей, ослабление областного начала.

«С распространением власти московских царей на все областные земли, – писал он, – в волостях начал усиливаться приказно-правительственный элемент. Волостное мирское самоуправление и мирской самосуд через изблюбленных выборных старост и судей стали всё больше и больше ограничиваться. ...В половине XVI-го столетия злоупотребление наместников, волостелей и тиунов правящих и пошлинных людей обнаружилось во всей силе» [20].

Применяя категорию «областность» как методологическую направляющую в исследовании отечественной истории последующих лет, историк пришёл к выводу, что в XVII столетии после «Смутного времени» в ходе «последовательно-преемственного» исторического развития была создана «вторая историческая форма» русской истории – «соединено-областная», которая также как и особно-областная, опиралась на объективные региональные особенности местности, населения.

Реализуя главную идею своего исследования в статье «Городские мирские сходы» (1862), Щапов показал, что областность (в её ипостасях – народ, свобода) проявлялась и в условиях нового времени. Народное и федеративное начало давало о себе знать в «городских ассоциациях».

По его словам, «вольные, охочие люди, помимо указанной системы городского дела, помимо царских городов, острогов, засек XVI и XVII века, устояли сами собою новые вольно-народные городские ассоциации. Из соборного акта 1649 года видим, – подчёркивал историк, – что повсюду в московском государстве около старых городов и посадов устраивались вольно-народные торгово-промышленные *слободы*» [13].

Федералистская методология исследования вела историка к раскрытию специфики проявления «областного» начала в XVIII в. Обращаясь к оценке истории России этого времени, он, оперируя понятием «областность», показал, как изменялась конкретно-историческая ситуация в регионах.

Щапов констатировал, что в XVIII в. «областные общины преобразовываются в однообразную форму губерний и провинций». Их «местная самодеятельность... окончательно подчиняется центральному правительству и губернским учреждениям» [15, с. 650].

Однако, согласно его доктрине, и в наступившее время «история... не должна терять из вида основоположительной канвы исторической – областности» [Там же].

Новый метод, применённый учёным в исследованиях периода земско-областной теории, позволил Щапову выявить и описать такие объективные и субъективные особенности регионов, как «внутренний быт провинций», физико-географические, экономические, юридические, моральные условия «развития и быта» областей, мимо которых, в силу особенностей своей доктрины, прошёл Соловьев.

С. М. Соловьев и А. П. Щапов: структура прикладной методологии как характеристика специфики научных школ. У представителей государственной школы и

демократического направления были разные взгляды на историю России, в связи с этим отличался и инструментарий исторического исследования – прикладная методология, на которую они опирались.

Учёные обращались к единому «объекту» исследования – истории России, но изучали разные «предметы» – (государство, народ), опирались на разную систему ценностей (государство, власть; народ, свобода), использовали разные понятия (государственная область, соединение частей, единое государство, единовластие); (община, вече, земские соборы, колонизация, областность); наполняли понятия разным содержанием (колонизация – расширение государственной области; колонизация – движение народа), выявляли разные связи, отношения (укрепление государственного начала; саморазвитие, самоуправление народа), приходили к разным заключениям (консолидация власти как достижение; усиление централизации как утрата народом свободы, помеха федерализму).

В структуре прикладной методологии системобразующую роль играла идеология, система ценностей. Она влияла на определение предмета исследования (государство; народ), предопределяла материал, в котором воплощался принцип историзма (история государства; история народа), на представления об основных противоречиях процесса (родовые – государственные отношения; саморазвитие – централизация).

В свою очередь, предмет исследования обуславливал подбор совокупности основных понятий, с помощью которых раскрывалось содержание проблемы (русская государственная область, соединение частей, единое государство, единовластие); (община, вече, земские соборы, колонизация, областность); трактовку понятий (колонизация как расширение государственной области; колонизация как движение народа); предопределял движение от гипотезы (становление государственных отношений; саморазвитие, самоуправление народа) к факту, доктрине (победа единовластия); (выявление региональной специфики).

Список литературы

1. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. 622 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М: Мысль, 1973. 630 с.
3. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 466 с.
4. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Сочинения: в 9 т. Т. 7. М.: Мысль, 1987–1990. 508 с.

5. Ковальченко И. Д. Историк Сергей Михайлович Соловьев, его жизнь, труды, научное наследство // Сочинения: в 18 кн. Кн. 1 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. История России с древнейших времён. Т. 1–2. 1988. С. 6–48.
6. Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Ирк. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 528 с.
7. Маджаров А. С. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С. М. Соловьев, А. П. Щапов) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. С. 40–49.
8. Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
9. Огарев Н. П. Русские вопросы // Избранные социально-политические и философские произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 862 с.
10. Пестель П. И. Русская правда. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 660–666.
11. Сахаров А. М. Дворянская и либерально-буржуазная историография второй четверти и середины XIX в. // Историография истории СССР. М.: Высш. шк. 1978. С. 117–143.
12. Соловьев С. М. История России с древнейших времён // Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времён // Сочинения: в 18 кн. Кн. 6. М.: Мысль, 1991. 671 с.
14. Соловьев С. М. История России с древнейших времён // Сочинения: в 18 кн. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. 701 с.
15. Щапов А. П. Великорусские области и смутное время (1606–1613). Ст. 1 // Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 803 с.
16. Щапов А. П. Общий взгляд на историю великорусского народа. Вступительная лекция, читанная А. П. Щаповым в Казанском университете 12 ноября 1860 года // Афанасий Щапов / А. С. Маджаров. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 237–258.
17. Щапов А. П. Городские мирские сходы // Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 783–803.
18. Щапов А. П. Земство и раскол // Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 451–505.
19. Щапов А. П. Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов // Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 718–753.
20. Щапов А. П. Общий взгляд на историю Великорусского народа. Вступительная лекция, читанная А. П. Щаповым в Казанском университете 12 ноября 1860 года // Афанасий Щапов / А. С. Маджаров. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 271 с.
21. Щапов А. П. Сельский мир и мирской сход // Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. С. 768–783.

Статья поступила в редакцию 15.04.2019; принята к публикации 15.05.2019

Сведения об авторе

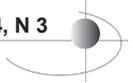
Александр Станиславович Маджаров, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: mas@home.isu.ru; ORCID: 0000-0003-1933-8549.

Библиографическое описание статьи

Маджаров А. С. Идеи централизма и федерализма в историографии истории России второй половины XIX века (прикладная методология исторического исследования в трудах С. М. Соловьева и А. П. Щапова) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 128–137. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-128-137.

References

1. Bakunin, M. A. Philosophy. Sociology. Policy. M: Pravda, 1989. (In Rus.)
2. Hegel, G. V. F. Philosophical propaedeutics. Works of different years. In 2 vol., M: Mysl', 1973. (In Rus.)
3. Herzen, A. I. Russian people and socialism. Collected works. In 30 volumes. V. 2. M: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1956. (In Rus.)
4. Klyuchevsky, V. O. Sergey Solovyov. Works. In 9 v. V. VII. M: Mysl', 1987–1990. (In Rus.)
5. Koval'chenko, I. D. Historian Sergei Mikhailovich Solovyov, his life, works, scientific heritage. Works. In 18 books. Koval'chenko, I. D., Dmitriev, S. S., editors. M: Mysl', 1988. Book 1: I. History of Russia since ancient times. V.1–2. 1988:6–48. (In Rus.)
6. Madzharov, A. S. Afanasiy Prokopievich Shchapov: the history of life (1831–1876), and the life of "History". Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1 named after V. M. Posokhin, 2005. (In Rus.)

7. Madzharov, A. S. Development of the concept of religious split of the Russian Orthodox Church and Zemstvo in the second half of the XIX century) (S. M. Solovyov, A. P. Shchapov). Proceedings of Irkutsk State University, pp. 40–49, vol. 19, 2017. V. 19. (In Rus.)
8. Madzharov, A. S. History of Russia in the theory of civilizations. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. (In Rus.)
9. Ogarev, N. P. Russian questions. Selected socio-political and philosophical works. In 2 v. V. 1. M. GoS. izd-vo polit. lit-ry, 1952. (In Rus.)
10. Pestel', P. I. Russian truth. M: Mysl', 1999. V. II. (In Rus.)
11. Sakharov, A. M. Noble and liberal-bourgeois historiography of the second quarter and the middle of the XIX century. In Historiography of the history of the USSR. M: Vysshaya shkola. 1978: 117–143. (In Rus.)
12. Solovyov, S. M. History of Russia since ancient times. Works. In 18 books. Book 1. M: Mysl', 1988. (In Rus.)
13. Solovyov, S. M. History of Russia since ancient times. Works. In 18 kn. books 6. M: Mysl', 1991. (In Rus.)
14. Solovyov, S. M. History of Russia since ancient times. Works. In 18 books. Book 7. M: Mysl', 1991. (In Rus.)
15. Shchapov, A. P. Great Russian regions and time of troubles (1606–1613). Article 1. Work: In 3 v. V. 1. SPB: Izdanie M. V. Pirozhkova, 1906. (In Rus.)
16. Shchapov, A. P. General view on the history of the great Russian people. Introductory lecture delivered by A. P. Shchapov at Kazan University on November 12, 1860. In Madzharov, A. S. Afanasy Shchapov. Irkutsk: Vost. sib. kn. izd-vo, 1992: 237–258. (In Rus.)
17. Shchapov, A. P. City worldly gatherings. Works: In 3 v. V. 1. SPB: Izdanie M. V. PirozhkovA, 1906: 783–803. (In Rus.)
18. Shchapov, A. P. Zemstvo and split. Works: In 3 v. V. 1. SPB: Izdanie M. V. PirozhkovA, 1906: 451–505. (In Rus.)
19. Shchapov, A. P. Zemsky Sobor 1648–1649 and the Assembly of deputies of 1767. SPB: Izdanie M. V. Pirozhkova, 1906: 718–753. (In Rus.)
20. Shchapov, A. P. General view on the history of the great Russian people. Introductory lecture delivered by A. P. Shchapov at Kazan University on November 12, 1860. In Madzharov, A. S. Afanasy Shchapov. Irkutsk: Vost. sib. kn. izd-vo, 1992. (In Rus.)
21. Shchapov, A. P. Rural peace and worldly gathering. SPB: Izdanie M. V. Pirozhkova, 1906: 768–783. (In Rus.)

Received: 15 April 2019; accepted for publication May 15, 2019

Information about the author

Alexander S. Madzharov, Doctor of History, Professor, Irkutsk State University; 1 K. Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: mas@home.isu.ru; ORCID: 0000-0003-1933-8549.

Reference to the article

Madzharov A. S. Ideas of Centralism and Federalism in Historiography of Russian History of the Second Half of the XIX Century (Applied Methodology of Historical Research in the Works of S. M. Solovyov and A. P. Shchapov) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 3. PP. 128–137. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-128-137.